

Элона Цуркан-Дружка

*Лодзинский университет, Кабинет Дидактики, Кафедра Языкознания Института
Русистики (Польша)*

ВЕДУЩИЕ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ДИАЛЕКТИЗМОВ НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Творчество Сергея Есенина вошло в польскую литературу еще при жизни поэта. Первые переводы появились в 1922 году. В это время он был уже хорошо известен на Родине.

Стоит отметить, что характерной чертой начального этапа проявления интереса к творчеству Сергея Есенина являлся выбор для перевода произведений, которые были написаны после революции и представляли картину этого исторического события, наблюдаемую сквозь призму восприятия самого автора (Piotrowski 1967: 16).

Пик интереса в Польше поэзия Есенина переживает после его неожиданной смерти, так как большинство авторов старалось найти объяснение этому трагическому событию. Не только в Польше, но и за рубежом, а прежде всего на Родине поэта, в 1926 году наблюдается всплеск публикаций, посвященных Есенину. Журнал «Литературные новости» помещает автобиографию Есенина с обширной вступительной статьей, написанной Павлом Эттингером. В автобиографии рассказывается о деревенском детстве поэта, о войне, революции, о его первых литературных шагах.

Первое послевоенное книжное издание переводов поэтических произведений С. Есенина относится к 1947 году – тогда вышла в свет антология «Два века русской поэзии», составленная Мечиславом Ястурном и Северином Полляком. В первом издании в конце антологии была помещена краткая биографическая нота об авторах произведений, в том числе и о Есенине. Из этой ноты следовала информация о том, что Сергей Есенин – это превосходный поэт первых лет революции, творчество которого насыщено пронизывающей лирикой, а доминирующий мотив составляют любовь к природе, Родине и привязанность к отцовскому дому, акцентировалось также деревенское происхождение поэта (Jasturn, Pollak 1947: 439).

В 1960 году выходит первый послевоенный сборник польскоязычных переводов стихотворений Есенина под заглавием „Poezje”, составленный Земовитом Федецким. Составитель сборника в предисловии информирует, что в этом издании находятся произведения, представляющие все этапы творчества Сергея Есенина. Автор сборника дает краткую характеристику творчества поэта, подчеркивая, что главной чертой поэзии Есенина являются ее подлинность и эмоциональная сила. Коммуникативность поэзии, по словам Федецкого, основывается на простоте «поэтического (строй)материала» («budulca poetyckiego») (Fedeki, „Poezje” S. Jesienin 1960: 6).

Переводы, помещенные в двуязычном сборнике от 1975 года, будут приведены в качестве примеров в данной статье (на сегодняшний день это наиболее полное собрание переведенных стихотворений, изданных в Польше).

Несмотря на то, что в польскую литературу Есенин вошел уже как сложившийся поэт, один из создателей творческого течения – имажинизма, то во многих статьях, посвященных его творчеству, говорилось о его идиостиле, который позволял судить о нем, как о деревенском поэте, однако в широком смысле этого слова. Деревенскими «атрибутами» поэзии Есенина являются тематика (деревенская жизнь, животный и растительный мир, окружающий человека, изменения в природе, связанные со сменой времен года, причем это не простое созерцание происходящего вокруг, а переживание мистического соединения человека с окружающей его средой) и «живой», «красочный» язык стихотворений, в котором важную роль играли рязанские диалектизмы. Характерными чертами поэзии Есенина являются развернутая метафорика, богатая цветопись и использование деревенского наречия. Любовь поэта к деревне, ко всему, что связано с ней, чувствуется во многих его произведениях. Деревенскую жизнь он знал не понаслышке. Родившись в зажиточной, крестьянской семье, детство и юность провел в деревне Константиново Рязанской области. Получив образование в церковной школе, Есенин восполнил его (хотя и нерегулярно) в Москве, куда переехал в 1915 году.

Впитав деревенские обычаи, традиции и язык, с ранних лет знакомясь с деревенской действительностью, Есенин считал себя «певцом» деревни. Любовь к родному селу выражается использованием большого количества упомянутых уже рязанских диалектизмов. Имея выбор между нейтральной лексикой и региональной, поэт отдает предпочтение лексемам диалектного происхождения. Это составляет отличительную черту его поэзии и свидетельствует о вполне осознанном выборе языковых средств. Создается впечатление, что Есенин пишет о деревне на языке деревни, рассказывая о деревенской жизни щедро использует маркированную лексику, благодаря которой стихотворные строки достигают высокой степени достоверности. Эта характерная черта присуща главным образом ранним произведениям Есенина, о чем он сам упоминает в разговоре с Иваном Никаноровичем Розановым – выдающимся литературоведом: «– С детства, – говорил Есенин, – болел я «мукой слова». Хотелось

высказать свое и по-своему. В первом издании (речь идет об изданиях сборника стихотворений «Радуница» – прим. автора) у меня много местных, рязанских слов. Слушатели часто недоумевали, а мне это сначала нравилось. «Что это такое значит, – спрашивали меня: Я странник улогий. В кубетке сырой?» Потом я решил, что это ни к чему. Надо писать так, чтобы тебя понимали» (Розанов 1986: 440). Также в одной из своих автобиографий Есенин писал: «Я – рязанец, и исследователи моей поэзии легко могут это заметить и по моим стихам. Первые мои книги стихов должны были больше говорить моим землякам, чем остальным читателям» (Розанов 1986: 441).

Для русских читателей, среди которых немало и таких, которым приходится воспользоваться словарем, чтобы понять смысл слов диалектного происхождения, понимание стихотворений Есенина и их восприятие имеет более натуральный характер, чем их восприятие переводчиком и, прежде всего, читателем перевода. Однако поиск значения – это лишь первый этап подготовки к переводу. Прежде чем решиться на выбор польского эквивалента, который передавал бы не только смысл, но и не нарушал бы структуру стихотворения, необходимо понять, какую роль играют диалектизмы в произведении. Являются ли они лишь ярким, образным вкраплением или, будучи доминирующим средством для передачи информации, характеризуют действительность, запечатленную автором. Анализ именно этих решений и их влиянию на восприятие перевода посвящена данная статья.

По своему характеру диалектизмы делятся на фонетические, грамматические и лексические. Проведя анализ диалектной лексики автор статьи пришла к выводу, что наиболее многочисленную группу в поэзии Сергея Есенина составляют лексические диалектизмы – исходя из этого, далее в статье будет рассматриваться именно эта группа лексем.

Стоит отметить, что долгое время диалектная лексика воспринималась как непереводаемая. Однако, по мнению Генриха Туровера, лишь фонетические и морфологические диалектизмы практически непереводимы, а лексические, словообразовательные и синтаксические поддаются переводу (Туровер 1966: 94–97).

В свою очередь, Марек Маршалек, исследуя перевод на польский язык диалектизмов в произведении «Тихий Дон» М. А. Шолохова, назвал следующие способы их перевода (Marszałek 1999: 22):

- перевод диалектной лексикой (имеется в виду не конкретный диалект какой-то местности, а диалектные средства, общие для нескольких диалектов, то есть нелокализованные);
- перевод обиходно-разговорной лексикой;
- перевод фразеологическими единицами;
- перенос диалектизма при помощи транслитерации;
- использование приема стилистической компенсации;
- перевод стилистически немаркированной лексикой.

Автор статьи отдает себе отчет в том, что, возможно, не все способы могут быть применены в лирических произведениях, тем не менее данный подход является единственным систематизированным решением в столь мало разработанной отрасли, какой является перевод диалектизмов в родственных языках.

В данной статье проведен анализ стратегий, используемых переводчиками для переноса диалектных единиц на польский язык. Автор статьи постарается выделить основные стратегии переводчиков в переводе диалектизмов и проанализировать их последствия, обращая внимание на то, какое влияние на произведение оказали эти решения.

Однако, прежде чем приступить к анализу переводческих стратегий, стоит посвятить внимание роли и функциям диалектизмов в литературном произведении.

Неоспоримым является факт, что диалектизмы несут мощный прагматический заряд и именно это отличает их от нормативной лексики. Они вносят в текст огромный эмоциональный потенциал и дают понять реципиенту, что автор с их помощью желает передать существенную информацию (информативная функция), создающую конкретный этнографический образ, подчеркнуть происхождение героя (функция социальной маркировки), отношение автора к картине повествования, характер данного повествования, иногда желает подчеркнуть реалии местности (функция локальной маркировки), о которой идет речь в произведении.

Встречая в тексте диалектизм, читатель воспринимает его соответствующим образом, то есть диалектизмы возбуждают более конкретные ассоциации, чем нормативная лексика, приближают колорит местности и своеобразие языка, вводят элементы повышенной экспрессии и побуждают воображение. При переводе стоит учитывать также значимость функции стилизации, так как появление маркированной лексики в литературном тексте является осознанным решением автора. Если посмотреть на диалектизмы с точки зрения одной из черт идиостиля поэта, то в творчестве Есенина их использование (особенно в начальный период) отличается не только сознательностью, но и последовательностью (такие единицы как: плетень, свей, зелена и некоторые другие употребляются довольно часто). В произведениях подчеркивается их значимая роль в передаче наблюдаемой действительности.

В поэзии Сергея Есенина ведущей функцией, которую выполняют диалектизмы, является функция локальной маркировки – потому как чаще всего диалектизмы используются для наименования предметов крестьянского быта, реалий местности, действий, выполняемых жителями села Константиново. Реже автор обращается к функции социальной маркировки.

Невоспроизведение данных функций в тексте перевода часто приводит к потере важнейших элементов прагматики, а также к стилистическому обеднению языка произведения.

Удалось ли сохранить эти функции диалектизмов в переводе? Были ли найдены переводчиками средства для их воспроизведения в польском языке? Ответы на эти вопросы даст анализ переводов.

Итак, приступим к представлению результатов, которые дало проведение анализа переводческих стратегий. В переводе диалектизмов из вышеперечисленных способов переводчики использовали чаще всего стратегию перевода немаркированной лексикой (нейтрализацию), стремясь как можно более точно передать значение диалектизма. Перевод фразеологической единицей и диалектной лексикой не применялся, а перевод обиходно-разговорной лексикой и с помощью транслитерации использовался крайне редко. Особого внимания в переводах заслуживает факт опущения диалектических единиц в польском тексте. Встретились также примеры ошибочного толкования диалектизмов, но это были лишь единичные случаи.

Основная тенденция переводчиков к передаче информативной функции с помощью немаркированной лексики влечет за собой утрату их стилистической и прагматической функций. Довольно ярко данный пример выражен в стихотворении *В хате*, в котором Есенин представляет убранство и атмосферу деревенского жилища. Естественным является тот факт, что использует он для этого диалектную лексику, выражая тем самым свою близкую связь с деревней. Можно предположить, что не могло быть по-другому, так как поэт описывает окружение, в котором вырос, воспитывался и провел половину жизни, место, куда неоднократно возвращался, будучи уже известным поэтом. И именно родная диалектная лексика как нельзя более подходит для описания этого жилища.

Проследим изменения, происходящие в прагматическом пласте стихотворения, переведенного на польский язык Анной Каменьской. Автор перевода передает диалектизмы более и менее близкими по значению, однако совершенно нейтральными единицами.

Итак, приступим к анализу:

Пахнет рыхлыми *драченами* – *Pachną w chacie pulchne racuchy*

У порога в дежке квас – *Pod progiem dzieża kwasem dymi*

Над *печурками* точеными – *Wpółzają w szpary karaluchy*

Тараканы лезут в паз – *Wnękami pieca rzeźbionymi*

Вьется сажа над заслонкою, – *Sadze obtańcowują drzwiczki,*

В печке нитки попелиц, – *W piecu popielne nici wiszą,*

А на лавке за заслонкою – *A na policy, gdzie solniczki,*

Шелуха сырых яиц. – *Od jaj skorupy się kołyszają.*

Мать с ухватами не сладится, – *Matka z imadłem nie da rady,*

Нагибается низко, – *Nachyla się nad piecem nisko,*

Старый кот к *махотке* крадется – *A tam się czai i zakrada*

На парное молоко – *Na ciepły mleka gar kocisko*

Квохчут куры беспокойные – *Lękliwie pogdają kury*
 Над оглоблями сохи – *Na sochy tłocząc się czepigi*
 На дворе обедню стройную – *I na podwórku mszalne chóry*
 Запевают петухи. – *Koguty wiodą na prześcigi.*

А в окне на сени *скатые* – *A w oknie, co na sień otwarte*
 От пугливой *шумоты* – *Wyłażą wystraszone z kąta*
 Из углов щенки кудлатые – *Szczenięta grube i kudłate*
 Заползают в хомуты – *I zapełniają gdzieś w chomąta.*

(Kamieńska 16–17)

Драчена (*дрочёна*) по словарю Дмитрия Ушакова – это блюдо из яиц, смешанных\взбитых с молоком и мукой или тертым картофелем (что-то напоминающее омлет). В свою очередь *gacuch* по словарю *Mały Słownik Języka Polskiego PWN* – это лепешка из дрожжевого теста, жареная на жиру (часто выступающая в варианте с добавлением долек яблок). Запах, исходящий от приготовленных блюд, различен, следственно, вызванные запахом ассоциации тоже будут неодинаковыми у польского и русского реципиентов. *Печурка* – небольшое углубление в наружной стенке русской печи, польский, подобранный автором, эквивалент *rzeźbione wnęki pieca* – это вырезанные углубления в печи. Следующий, интересующий нас, диалектизм – это *шелуха*, в константиновском диалекте обозначающая скорлупу. Переводчица с точностью передала значение с помощью стилистически нейтральной лексемы. *Махотка* – это глиняный кувшин без ручки для молока, а *gar* – это увеличительная форма слова *garnek* – то есть горшок\кастрюля. Из этого следует, что парное (только что надоенное) молоко в оригинале находится в глиняном кувшине, а в польском варианте теплое (передается лишь одна ассоциация, связанная с температурой жидкости) молоко находится в горшке\кастрюле. Звукоподражающим диалектизмом является глагол *квохчут* – т.е. кудахчут, в польском тексте он заменен ближайшим по значению эквивалентом – *pogdająq*. *Скатый* в рязанском диалекте означает пологий (постепенно понижающийся). Строка, в которой употребляется этот диалектизм несет в себе долю недосказанности, возможно поэтому переводчица «уточнила» то, что, по ее мнению, не высказал автор. Это уточнение повлекло за собой отказ от перевода диалектизма. В польском варианте появляются сени, а их вид (пологость) уже не передается. *Шумота* – это звуки, которые издаются во время какой-то суеты. Автор перевода решила воспроизвести лишь воздействие звуков (шумоты) на щенков – *wyłażą wystraszone z kąta* – поэтому польский читатель получил конечный эффект – испуганных щенков, но без информации о причине испуга. В свою очередь перед русским реципиентом предстанет полная картина утра в хате: кудлатые щенки, которые, испугавшись шума (производимого людьми и животными, находящимися в жилище), заползают от страха в хомуты.

Подводя итоги анализа данного перевода, автор статьи приходит к выводу, что информация, касающаяся реалий сельского жилища, передана соответственно, однако в переводе утрачен важный прагматический заряд. Если сосредоточить свое внимание на разнице во впечатлениях после прочтения стихотворения польским и русским читателем, то можно заметить, что она будет значительной (если взять во внимание использование конкретных языковых средств, а не передачу общей информации), так как русский читатель получил образ типично деревенской, рязанской хаты, в которой жил сам поэт, и которая является для него родной и близкой, а польский читатель – описание деревенского жилища, не лишенное чувственного подхода, однако эмоционально нейтральное. В переводе утрачено чувство «связи» поэта с передаваемым образом; здесь он играет роль уже не участника, а скорее наблюдателя за деревенской действительностью, роль городского поэта, который приехал в деревню и с помощью нейтральной лексики передает увиденное. Если обратиться к определению перевода, которое предлагает Ольгерд Войтасевич «Tekst *b* w języku *B* jest odpowiednikiem tekstu *a* w języku *A*, jeżeli tekst *b* wywołuje taką samą reakcję (zespół skojarzeń) u odbiorcy, co tekst *a*» (Wojtasiewicz 2007: 23), то можно заметить, что анализируемый выше перевод вызывает схожие ассоциации (информационная функция сохраняется), однако другую реакцию, чем оригинал, что вызвано стилистическим обеднением языка, используемого в переводе.

Подобное чувство возникает также после прочтения следующих переводов, в которых переводчики (Бруно Ясеньски, переводя *Исповедь хулигана* и Владислав Броневски, переводя стихотворение «*Все живое особой метой...*») решаются на данный прием и вместо диалектизмов используют немаркированную лексику. Приведем несколько примеров реализации данной стратегии:

Что где-то у меня живут отец и мать – Że gdzieś w dalekiej wsi są ojciec mój i matka

Которым наплевать на все мои стихи – Co gwizdzą na najlepsze moje wiersze.

Которым дорог я, как поле и как плоть, – Dla których drogim był jak ciało i jak łan,
Как дождик, что весной взрывает *зеленя* – Jak wietrzyk, co od pól wiosennym rankiem mży

(Jasieński 122–123)

Зеленя – в рязанском диалекте, это молодые всходы хлебов, польское *pole* – это просто земля, предназначенная для посева. В связи с этим у русского читателя возникает перед глазами немного другая картина (поле, на котором видны молодые, зеленые всходы хлебов), чем у польского читателя (просто поле). Эта разница в значении компенсируется в предшествующей строке, в которой выступает польский эквивалент слова *зеленя* – *łan* – имеющий то же значение (поле, засеянное пшеницей).

Когда, у матери стянув краюху хлеба, – Gdy chleb, od matki wyżebrany, długo
 Кусали мы с тобой по разу – Do spółki jedliśmy pod płotem
 Ни капельки друг другом не *погребав* – Nie brzydząc się zupełnie jeden drugim.

(Jasiński 124–125)

Погредав (от гребовать) – брезговать, польский эквивалент brzydząc się (brzydzić się) – брезговать. Значение диалектизма передано верно, однако с той же частичной потерей прагматической функции.

«Ничего! Я споткнулся о камень, – To nic! Tylko się potknął o kamień
 Это к *завтраму* все заживет» – Jutro z tego nie będzie ni śladu

(Broniewski 130–131)

К завтраму – рязанский диалектизм, обозначающий следующий день, то есть завтра, заменен в переводе ближайшим эквивалентом – *jutro*.

Стоит взять во внимание факт, что уровень сложности переноса диалектизмов в прозаических и поэтических произведениях неравен. В поэзии важную роль играют рифма и размер, которым подчиняется переводчик, поэтому поиск соответствующих эквивалентов, исполняющих функциональные критерии и не нарушающих размер стиха, является крайне сложной задачей, иногда невозможной для выполнения. Однако, с другой стороны, немало важным остается воспроизведение образа, который создает прочитанное стихотворение в воображении читателя. Идеальным решением была бы возможность создать функциональный эквивалент, воспроизводящий не только структуру, но и содержание, а также воздействие на читателя, с помощью передачи всех нюансов подлинника, в том числе, разнообразия языковых средств.

Следующей стратегией, на которую стоит обратить внимание, является опущение диалектной лексики в переводе. Переводчики (Тадеуш Монгрид в переводе стихотворений *Русь* и *Сорокоуст*, Казимеж Анджей Яворски в польской версии стихотворения *Письмо матери*) отказываются от воспроизведения диалектных единиц в тексте:

Воят сумерки долгие, зимние, – Wyją w zmierzchy, zimowe, granatowe,
 Волки грозные с тощих полей. – Głodne wilki za wsią na polanie;
 По дворам в погорающем инее – Po zagrodach, nad skrzącą się ponową,
 Над *застрехами* храп лошадей – Stoi mrok i drży końskie chrapanie

(Mongrid 20–21)

Застреха – нижний, свисающий край крыши. В оригинале звуки, издаваемые лошадьми, не распространяются по всему двору, а «сосредотачиваются» в определенном месте (возможно, что именно под застрехами находятся животные) – над застрехами. В польском варианте, в связи с опущением диалектизма, наступает небольшой сдвиг в локализации звуков.

Пишут мне, что ты тая тревогу – Mnie pisano, że ukrywasz twogę
Загрустила *шибко* обо мне – Tęsknisz za mną, że cię trapi żal

(Jaworski 156–157)

Шибко – очень. В данном случае последствие опущения частично компенсируется нагромождением эквивалентов к глаголу *зрустить*, который переводится на польский язык как *smucić się, tęsknić*, а польское выражение *trapi kogoś żal* – можно перевести на русский язык как *кого-то беспокоит печаль*.

И дворовый молчальник бык, – I milkliwy buhaj – samotnik,
Что весь мозг свой на телок пролил, – Co mlecz cały po ciółkach sterał,
Вытирая о *прясло* язык, – Żując słomę słucha markotnie,
Почуял беду над полем – Jak się klęska nad nami zbiera.

(Mongrid 116–117)

Прясло – изгородь из длинных жердей, протянутых между столбами, также часть изгороди. В данном случае автор перевода не только опускает диалектизм, а совершенно изменяет значение строк и ассоциаций. У польского читателя создается совершенно другой образ, описанной картины: бык, который жует солому, с грустью слушает, как (на жителей деревни) надвигается какое-то бедствие (первое, на что обращаем внимание – это пассивность животного). А в оригинале эта картина представлена следующим образом: бык вытирая язык об изгородь, чувствует, что приближается беда (бык – это некий орган, созданный природой, который чувствует то, что людям еще недоступно). Образ животного в оригинале и переводе значительно отличается, и тем самым влияет на возникающие ассоциации и эмоциональное восприятие приведенных строк читателем.

Рассматривая данные решения переводчиков сложно определить их обоснованность, так как неизвестными являются побуждения, которыми руководствовался автор перевода, была ли это обдуманная стратегия или просто случайное, одноразовое решение. Заметим, что похожие решения оказывают разное влияние на восприятие стихотворения. Если в переводе, выполненном Яворским, опущение диалектизма не искажает образ и не влияет значительно на вызываемые ассоциации, то в переводе Монгрида то же решение ведет к совершенно другим последствиям.

Подводя итоги проведенного анализа можно прийти к выводу, что диалектизмы, появляющиеся в поэтическом тексте, «бросают вызов» переводчикам, которые его не принимают. Относясь к уникальным средствам выражения, характерным для данной языковой группы, они становятся своеобразным камнем преткновения в переводе, а попытка их трансформации требует от переводчика повышенной чувствительности и высшей степени переводческого мастерства. Кроме того, требует также превосходного знания родного языка – не только его литературного фонда, но также и богатства тех

языковых ресурсов, частота использования которых является более редкой – имеется в виду разнообразие маркированной лексики. Не забывая о том, что диалектизмы – это одно из сложнейших (с точки зрения перевода) языковых средств, стоит помнить, что они также являются носителями мощного эмоционального заряда, передача которого – один из важнейших аспектов, влияющих на восприятие перевода и его функционирование в другой культуре.

Библиография

- Розанов И. Н. (1986), *Воспоминания о Сергее Есенине*, [в:] *С. А. Есенин в воспоминаниях современников*. В 2-х томах, т. 1, Москва.
- Словари и энциклопедии: <http://dic.academic.ru>
- Туровер Г. (1966), *О переводе диалектизмов* [в:] «Тетради переводчика», ред. Л. С. Бархударова, вып. 3, Москва, с. 94–97.
- Gomolnicki L. (1947), *Posłowie*, [w:] *Dwa wieki poezji rosyjskiej, Antologia*, red. M. Jasturn, S. Pollak, Warszawa, s. 439.
- Jesienin S. (1970), *Poezje. Стихотворения*, wybór Z. Feddecki, Warszawa.
- Mały Słownik Języka Polskiego PWN* (1999), red. E. Sobol, Warszawa.
- Marszałek M. (1999), *Проблемы перевода донских диалектизмов на польский язык*, Bydgoszcz.
- Piotrowski W. (1967), *Sergiusz Jesienin w polskiej literaturze międzywojennej*, Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Wojtasiewicz O. (2007), *Wstęp do teorii tłumaczenia*, Warszawa.

Elona Curkan-Dróżka

MAIN STRATEGIES OF DIALECT TRANSLATION OF LYRICS BY SERGEY YESENIN INTO THE POLISH LANGUAGE

(Summary)

The article discusses problems connected with the strategy of dialect translation of lyrics by S. Yesenin into the Polish language. The author of the article shows the most important functions, which dialects serve in lyrics, and analyses the strategy that are the most frequently employed in their translation. The results of the investigation show the following distinctive features of transferring dialect from Russian to the Polish language: translators usually decide to replace dialect with neutral lexis or they give up translating dialect at all. As a consequence of such decisions, two phenomena can be observed: changes in the pragmatics of language function and impoverishment of the author's poetic language.

Keywords: Translation, dialects, poetic language.